

ЕКАТЕРИНА СОЛОВЬЁВА

НИЖНИЙ ГОРОД 2

ГОРОД - ДОМ НАШ
А ЗАКОНЫ - СТЕНЫ ЕГО

18+

Екатерина Соловьёва

Нижний город 2

«Автор»

2026

Соловьёва Е.

Нижний город 2 / Е. Соловьёва — «Автор», 2026

Антону и Любе удастся сбежать из лаборатории в Нижний город. У Любы теперь нет защитной Печати и на них теперь охотится и Отдел по борьбе со сверхъестественным, и нечисть Города, и стража. Придётся им снова объединить силы, чтобы выжить. Особенно, когда Антон вспомнит, зачем именно его держали в лаборатории ОБС...

© Соловьёва Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Гла	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Соловьёва

Нижний город 2

Глава 1

Люба кое-как сняла с плеча руку Антона и водрузила его на барный стул паба «У Альберта». Здесь сегодня как назло гремела реально отвратная музыка: на сцене какая-то патлатая группа долбила в барабаны и литавры. Люба поморщилась: после месяца оглушающей тишины от каждого звука в голове будто что-то взрывалось. Антона всё ещё шатало, и он уронил голову на руки, сложенные на барной стойке. Он до сих пор витал в каких-то своих галлюцинациях и то и дело разговаривал с кем-то невидимым, то с начальством, то с бывшей женой. Чем больше ему в лаборатории вкалывали той синей жижи, тем хуже ему становилось. Сначала, месяц назад, он начал кричать во сне, потом изредка замирал, глядя в одну точку и ни на что не реагировал. Люба понятия не имела, что это за синяя дрянь и много раз орала мудакам в белых защитных костюмах, что Стрельцову плохо от неё, что он потом помирает каждый раз. Её, конечно, никто не слушал. И однажды разозлившись, она бросилась на тюремщиков. Конечно, тут же получила шокером в руку – а шокеры они брали каждый раз, заходя к ним в купол – длинные чёрные стеки, на концах которых то и дело проскакивала голубая электродуга. Боль была адской. На память на руке остался красный ветвистый ожог, да и Антону ничем не помогла. Мало того, с тех пор ещё и нерв в локте ныл, и Люба подозревала, что на непогоду.

В купол тогда месяц назад, первой затолкали её, ещё и наручники не сняли, сколько она ни просила, чтобы хоть в туалет ходить. Только после её угроз уделать всё вокруг так, что ни одна уборщица не отмоет, освободили. Решив, что раз уж участь лабораторной крысы неизбежна, Люба с привычным уже фатализмом обнаружила в комнате под куполом кровать и завалилась спать. А когда выпалась, с изумлением увидела внутри купола Стрельцова, злого и растерянного. Из одежды ему оставили футболку и джинсы, рожу раскрасили так, что одного глаза вообще видно не было. На все её вопросы он упорно молчал и отворачивался, матерясь сквозь зубы.

А потом их стали таскать на допросы по одному. Люба удивлялась, что люди в фиолетовом её только запугивали, ну, руки-ноги повыворачивали (в Нижнем городе и похуже бывало), а вот Стрельцов-то каждый раз с «подарочком» возвращался, то хромал, то за печень-селезень держался. Полковника было жалко: он-то ведь, наверняка, гордился успешно проведённой операцией, а тут его, такого заслуженного, пинком да под зад к задержанной. Она каждый раз опасалась, что однажды добьют его и околет он прямо под куполом, рядом с ней. Непонятно было, за что его так мордовали. Опять же она рассказывала этим занудам в форме с нашивкой «ОБС» на плече всё, о чём спрашивали, приукрашивала, правда, много чего, особенно того, о чём они никак знать не могли. Ну а утаивать – какой смысл? Без татуировки в Город шансов попасть ноль, сбежать из подземного бункера – тоже маловероятно. А Стрельцов о Городе многого не знал, поэтому было, конечно, любопытно за что тогда его били.

Не раз Люба спрашивала:

– Эй, полковник, может, скажешь уже, за что они тебя со мной закрыли?

Он поначалу огрызался, видимо, и правда, обидно было, что так наградили за успешно выполненное задание. Потом всё же сказал:

– На мне прослушка была. Перед операцией – они так и называли её «Проводник» – меня на сеанс отвели. Вкрутили в ухо микрофон под гипнозом, а я, дурак, и не знал. Всё думал, почему в ухе так свербит. Чесал, чесал, а там ничего... Ну и записались, короче, твои слова.

Помнишь, что ты тогда сказала? Про то, что из-за меня портал в Город открылся. Отомстила ты мне, блин...

– И ты им там про Юрича рассказываешь?

– И про него. А какая теперь разница?

– А быют-то за что?

– Думают, умалчиваю что-то. Или Галичанин за мои рапорты на него мстит. Отрывается. Должность мою хотел, теперь вот выслужился, в подполковниках ходит... Я ещё про свой портрет в том подвале умолчал. Скажу – попытают нахрен так, что под себя до конца жизни ходить буду.

Люба считала, что в плену они просидели с месяц – как раз от полнолуния до полнолуния. С момента их побега прошло пару часов. Когда пол бункера очень знакомо дрогнул, она решила, что почудилось: столько раз она представляла, как снова открывает лунный портал. Но без татуировки нечего даже было и думать. А тут посреди купола, прямо в воздухе, возник круглый, как нора, лаз. По ту сторону было видно главную улицу и часть Кривой площади. Люба долго не раздумывала, она рванула, было, внутрь, но потом бросилась к Антону. Тот как раз валялся на кровати после очередной инъекции и пьяно ловил кого-то руками в воздухе. Она подхватила его подмышки и втолкнула в портал. Быстро нырнула следом и, кое-как подняв товарища по несчастью, поволокла к ближайшему укрытию – пабу «У Берта».

Надо было бросить кости в берлоге и как следует всё обдумать. Но до неё поди доберись с тяжеленным полковником на горбу, который висит на тебе, как с десятков рюкзаков. Берлога за Кривой площадью, в Башне Призраков, а паб – вот он. Может, случится чудо и Берт нальёт чудо-зелья, чтобы можно было унести ноги да поживее...

В пабе тем временем отстукали жидкие аплодисменты и литавры грянули с новой силой. Солист истошно завопил со сцены что-то о тазике любви и Люба с трудом сдержала рвотный позыв: так разнылась голова от всей этой какофонии. Она невольно вспомнила название группы – «Буамм» и, помассировав виски, сосредоточилась на главном. Надо привести Антона в себя, вывести из него этот токсин или что они ему там заливали. Тогда можно будет добраться до берлоги. А там и решать, что делать дальше. Она потёрла одну босую ногу о другую: зябко. Бежали-то из купола босые и безоружные, в майках да джинсах.

– Здорово, Берт, – хрипло позвала она, перекрикивая музыку. – Берт, дай ангельского! Хоть пару капель!

Рогатый бармен широко ухмыльнулся, сверкнув хищной улыбкой. Сложил на груди татуированные ручки.

– Привет, Любушка. Ты знаешь, дорогуша, ничего бесплатного не бывает. А особенно ангельский бальзам. Он стоит дорого.

– Чего ты хочешь в оплату? – она нахмурилась, соображая, сколько крови сейчас сможет отдать и хватит ли сил дотянуть до берлоги. – Крови?

– Ты знаешь, – он не смотрел на неё, – ты всегда знала.

Люба непонимающе заморгала. Берт лениво протянул:

– Иди в подсобку. Щас я подойду, только Мещика попрошу за стойкой подежурить.

– Ты чё, Берт, не то зелье у джиннов взял? – Люба неуверенно усмехнулась. – Это же я, Берт. Ты, может, гномьей кожи хочешь или бомборакушек? Я достану, ты меня знаешь.

Бармен поморщился:

– Я свою цену назвал.

Вдруг по стойке с силой хлопнула Антонова ладонь:

– Не смей!

Люба от неожиданности подпрыгнула и чуть не упала со стула. Антон резко поднялся и в момент сгреб Берта за грудки. Радужку глаз его и склеры залил ослепительный синий свет. Люба растерянно вытаращилась на них, не зная, что предпринять.

– Помнишь, что стало с тем, кто её домогался? – с ледяной злобой прошипел Антон. – Он сдох вон там, на полу. Я больше не стану стрелять. Я оторву твои рога и затолкаю тебе прямо в...

– Мы уходим! – Люба повисла на его локте и с трудом оторвала от бармена. – Давай, полковник, пошли!

Она что есть силы поволокла Антона к выходу и обернулась на побледневшего Берта. Впервые в жизни Люба видела, как бывалый демон чего-то испугался. Только чего? Лишь бы стражу не вызвал, это сейчас было бы совсем ни к чему.

Глава 2

На улице их окатило жуткое зловоние: по проезжей части медленно дефилировал белый лимузин, из окон которого свешивались толстые фиолетовые щупальца. Мало того, оттуда ещё и доносился тошнотворный бандитский рэп. Люба поморщилась, зажав ладонью ухо и поспешила подальше, к площади. Антон забросил руку ей на плечо, но уже не так наваливался, и они двигались побыстрее. Стрельцов вдруг с отвращением бросил:

– У тебя, что, с ним было? С этим чёртом рогатым?

– А тебе-то что? – сердито буркнула Люба.

– Мы вместе столько прожили, я думал, что мы уже как муж и жена!

Люба только фыркнула:

– Что-то не припомню, чтобы ты мне предложение делал!

Они оба замолчали, оглябая прохожих и стараясь держаться ближе к домам. И в самом деле, проведя вместе месяц в закрытом пространстве, они притёрлись друг к другу. Оказывается, тюрьма весьма располагает к душевным беседам. Люба узнала об Антоне много интересного: был женат, развёлся пять лет назад, детей так и не завёл, некогда было, всё операции, разработки да задержания. Он рассказал ей, как его в детстве обманул с мопедом Юрич, как выдала его тогда та пуговица, как он долго искал её в списках пропавших без вести.

– Почему ты мне всё так спокойно рассказываешь? – спросила она его тогда.

– Не вижу смысла скрывать, – он пожал плечами, развалившись на подушках, разбросанных по полу. – Вряд ли меня отсюда когда-нибудь выпустят. Нас здесь до смерти замучают. И заркоут на полигоне тайком. Или ещё лучше: сожгут в печи крематория.

А сейчас вот Антон злился на домогательства Берта. Люба перевела разговор на другую тему:

– Ты лучше скажи, что у тебя вдруг случилось с глазами.

– А что с ними?

– Они щас в пабе стали синими, как та жижа, которой тебя в куполе накачивали.

– Не знаю, – Антон раздражённо дёрнул плечом. – Так было у тебя с ним или нет?

– Фу, брось, – Люба скривилась. – Нет, конечно. Берт – старый инкуб. По молодости, говорят, крутил-вертел женщинами. А сейчас только так – шантаж да за деньги. Постарел, по силе своей да по власти тоскует.

Мимо прошагали треклятые гномы в зелёных колпачках; из-за них в прошлый раз Антон чуть не скончался в «нежных» объятьях клещевика и с тех пор их здорово недолюбливал. Из тёмных переулков вспыхивали светящиеся пары жёлтых глаз, над некоторыми загорался неоновый ценник с тремя нулями. Ледяной асфальт тротуара обжигал босые ноги. А луна, всегда полная в Городе, катилась над ним, поливая всё вокруг холодным серебряным светом.

– Кривая Площадь... – пояснила Люба, когда они вышли на широкое бетонное поле. – Повезло, народу немного сегодня. Обычно тут молодёжь бесится, Белые сёстры жертв развозить не успевают.

Площадь раскинулась перед высокой скалой. Она была изогнутой, будто гигантская бракованная тарелка, края которой пошли волнами. По неровному периметру потрескивали здоровенные стеклянные фонари в человеческий рост. Их белый свет очерчивал редкие фигуры жителей на скамейках. От компаний в разноцветных шуршащих плащах тянулись взрывы смеха, облачка зеленоватого пара. Потянуло жжёнными осенними листьями и чем-то знакомо сладковатым.

В центре бил фонтан в форме здоровенной летучей мыши-вампира, раскинувшей кожистые крылья. Алая жидкость, булькая и вскипая, замысловатыми струйками вырывалась из зубастой пасти и острых когтей вниз, в широкий резервуар в виде ладони с неестественно боль-

шим количеством пальцев. Видя, что Антон с любопытством уставился на чугунного упыря, Люба шепнула:

– Не пьялся ты так, а то оживёт.

– Я бы подумал, что ты опять меня подкальываешь, если б не знал, что Городу врать нельзя. Это что льётся – нефть?

– Не знаю точно, – Люба замялась. – Каждый раз разное. Можно и на какао, и на слёзы чьи-нибудь нарваться, смотря, какой прогноз на Башне передают. Сейчас, может, и кровь чья. Видишь ли, не у всех здесь кровь красная, – и со смешком добавила: – Берт как напьётся, понтоваться начинает. Мол, как-то в фонтане коньяк хлестал, так он полный ящик бутылок набрал. А на пробу никому не даёт, типа коньяк сильно элитный. И каждый раз его на смех поднимают.

Сразу за площадью возвышалась над Городом отвесная скала. А на ней гнездились двух- и трёхэтажные коттеджи в викторианском стиле, какие-то зубчатые башенки из грубого камня.

– Вон там моя берлога, прямо под Башней Призраков. Немного осталось.

Они едва вошли в квартал, раскинувшийся перед скалой, как что-то неуловимо изменилось в пространстве. Только что здесь в свете луны желтели крыши круглых юрт с антеннами, а теперь вся улица стала сплошь тёмной. Ни фонарей, ни горящих окон, только серебристый свет луны. Тени падали от высоченных деревянных теремов с балконами, уходящих в небо остро-конечных башен дикой нечеловеческой архитектуры. И откуда они тут только взялись? Судя по величине жилья, здесь жили какие-то великаны: узкие стрельчатые окна, двустворчатые витражные двери, будто не дома вовсе, а церкви. И запах... Пахло воском, дымом. И ладаном.

Люба замерла, внимательно оглядываясь. Она вертела головой, будто не узнавала ничего вокруг.

– Что опять? – Антон напрягся. – Что за... Ты слышишь?

– Тихо!

Люба быстро потащила его вверх по ступеням крыльца под узорчатой крышей. Усадила на дощатый пол и села сама.

– А теперь слушай внимательно, полковник. Что бы ни случилось, не поднимай глаза. Смотри только вниз, на свои ноги. Если взглянешь им в глаза – до конца жизни будешь пускать слюни и ходить под себя. Ни меня, ни себя не вспомнишь.

Антон хотел спросить, но умолк на полуслове: улицу мощно накрыла музыка. Люба сжала его руку в своей, чтобы он помнил её наказ. Закрыла на всякий случай глаза.

Звуки наполнили целиком улицу и даже ночной воздух. Они сливались в мелодию и, если прислушаться, можно было понять, что это песнь. Песнь без единого слова. Песнь без голоса. Невидимые волны плыли вдоль домов, плыли по венам, оседая на дне подсознания причудливым орнаментом. Не слушать было невозможно – до того прекрасно звучала песнь. Она пахла светом, свежим хлебом и чистой радостью. Хрустящим первым снегом, морозным утром, долгожданнами объятьями. Она рассказывала о том, как хорошо жить, дышать и любить.

– Как красиво... – хрипло прошептал Антон и Люба поняла, что песнь, наконец, стихла. После неё и тишина, и любой звук слышались оскорблением для слуха. – А что это?

– Повезло нам, – шёпотом ответила Люба, украдкой вытерев выступившие на глазах слёзы. – На квартал ангелов нарвались.

– Нарвались? – Антон шмыгнул носом, и она поняла, что он тоже плакал. – Это как?

– Он мигрирует постоянно. Из одного конца Города в другой. Никто не знает, где и когда он на самом деле. Пословица ещё такая есть: где слышно хорал – там и ангелов квартал. Но песнь ангелов услышать – редкость большая. Понимаешь, их не видел никто. А кто видел, те недолго жили. Не выносит наш мозг их вида. Да и не только наш, видимо...

– А я бы камеру поставил, – мечтательно сказал Антон. – И всё равно бы посмотрел.

– Эх ты, – вздохнула Люба, – мало тебе, что ли, всё на тот свет рвёшься. А я вот думала, врут про них всё, сама никогда их не видела и не слышала... Слушай, полковник, говорят, если услышишь их пение, тебе точно повезёт. И болеть не будешь очень долго. Одно плохо: ангелы разные бывают. Ангел смерти, допустим. Или Ангел печали. И если их песню услышишь... в общем, сам понимаешь...

Мимо пронёсся шум, будто вспорхнула здоровенная птица. Люба снова зажмурилась на всякий случай. С потоком воздуха на крыльцо вынесло пару перьев: белое и чёрное. Люба с жадностью их схватила и сунула за пазуху.

– Ну прям не верится. Ещё и перья повезло сцапать. Можно лотерейные билеты теперь покупать!

– Это был не ангел смерти – задумчиво сказал Антон.

– Больно ты в них разбираешься.

– Теперь разбираюсь. Он про что-то хорошее пел. Доброе.

– Откуда ты знаешь?

– Слабость прошла. Не выворачивает больше, как в центрифуге. И ноги отогрелись. Ты же чувствуешь?

Люба пошевелила пальцами ног. Было тепло, будто ноги обуты. Тепло и спокойно.

– А ещё, – Антон неожиданно улыбнулся, – у меня есть предчувствие, что всё у нас будет хорошо!

Глава 3

Квартал ангелов переместился куда-то ещё, исчез, будто пелену какую-то с глаз сняли, а они двинулись дальше. За домами с круглыми крышами у самого подножия скалы на широкой площадке обнаружился лифт. Люба воровато огляделась перед тем, как подойти ближе, и на всякий случай немного выждала за углом, перед тем, как подойти к нему. Прямо в камне, освещённые с двух сторон лампами бра, торчали две сомкнутые створки серого металла, щедро украшенного чёрными узорами и завитушками. Лифт, видимо, был старым: он страшно заскрипел при подъёме наверх, как старик, жалующийся на больные суставы. Вместо кнопок в широкой кабине на стене поочерёдно мигали символы: какие-то ракушки, буквы, каракули. На значке со звездой лифт тормознул и они вышли в тёмный коридор. Слабые полосы света от длинных ламп в потолке окрашивали стены зелёным, ни в одном ответвлении не было ни окон, ни дверей. Люба с облегчением выдохнула:

– Вовремя же нам ангелы повстречались! Никого в лифте не встретили – чудо, не иначе! Свезло.

Антон вопросительно посмотрел на неё и она торопливо объяснила:

– Видок у нас тот ещё, стражу бы вызвали. Пошли.

Повела его направо, вдоль стены, зачем-то обитой ржавой металлической решёткой. За спиной загудел, заскрежетал вызванный кем-то лифт. Запахло тосолом и дёгтем.

– Дело такое, Башня Призраков – что-то типа элитного пентхауса, – негромко продолжила Люба. – Богатеи тут охраняют так, что муха не пролетит. Так что Башня – самое опасное место. Я поэтому тут берлогу и устроила.

– Где ж тогда эта хваленая охрана? – хрипло спросил Антон.

– Этот лифт для прислуги, слышишь, скрипит как? На таких богатеи не катаются. Он грузовой больше. Всякие, там, продукты в нём возят, мебель, шмотки из прачечной. Всё на верхних этажах проверяют. А мы шас на техническом этаже. Тут мало кто бывает, только гномы иногда вентиляцию прочищают. А я докучи у Берта в пабе ещё и сплетню пустила, что этаж проклят. Так вот, это в нашем мире «проклят», как магнит для всяких придурков. А тут с этим серьёзно, никто не суётся. Это всё равно, что в клещевик влипнуть. Пришли.

Люба остановилась у поворота и с силой упёрлась ладонями в стену. Плита, неотличимая по цвету и фактуре от стены, отъехала назад и в сторону, открывая узкий вход, залитый тьмой.

– Добро пожаловать в мою берлогу.

Они вошли внутрь и позади, закрываясь, негромко двинулась плита. Чертыхаясь, Люба шарила по стене, в поисках выключателя, и вдруг завопила:

– Фёдор! Свои!

– Что ещё за Фёдор? – сердито заворчал Антон. – Сначала этот чёрт, потом какой-то Фёдор...

– Домовой он, – хохотнула Люба. – До меня тут жил. А как я заселилась, пришлось притереться характерами. Зато видишь, польза какая: никого не пустит. Удушит, но пустит. И за порядком следит. Чуешь, даже пыли нет!

Вспыхнул приглушённый голубоватый свет и стало видно, что они в просторной комнате, сложенной из чего-то навроде грузовых контейнеров. Комнате слепой совершенно: без единого окна. За решётчатой перегородкой прятался узкий стол с древним ноутбуком, освещённый плоским светильником. У стены с полками, забитыми книгами и какими-то коробками, притулился старый диван, заваленный одеялами и подушками. Высокий потолок открывал вид на второй этаж и металлическую лестницу. Оттуда свисал красный ковёр, какие-то верёвки из блестящих коробок. Пылью-затхлостью, и правда, не пахло. Пахло соленьями и чем-то под-копчёным, так что у обоих беглецов сразу заурчало в животах.

Пока Люба с руганью чем-то гремела то ли в кладовке, то ли в подсобке, Антон разглядывал полки с разноцветными баночками: «гномья кожа», «слюна вампира», «крокодиловы слёзы». Книжки ветхие и новые вперемешку. Полистал: в одних какие-то рецепты с граммами, в других короткие истории, которые должны вроде быть смешными, но что-то не смеялось.

– Короче, – растрёпанная Люба встала в дверном проёме, уперев руки в боки, – я воды немного нагрела от котла. Пойдёшь после меня мыться. Потому что надо ещё что-то пожрать сообразить...

И скрылась за дверью, как оказалось, ванной. Антон стоял за стеной и слушал, как за стенкой струи воды из лейки душа упруго ударяют в поддон, как Люба намыливается и от души материт воду, которая становилась то ледяной, то кипятком. В лабораторной душевой таких перепадов, конечно, не было.

Он вдруг вспомнил, как там, под куполом, она по ночам иногда кричала во сне. Он, конечно, вставал в полной темноте (свет лаборанты давали только утром). Будил её, тихонько тряс за плечо, а она всхлипывала и редела. И тогда он садился рядом, обнимал её, гладил по волосам. Успокаивающе шептал:

– Он сдох, помнишь? Там, на полу, в пабе. Его больше нет. И никогда не будет.

Потому что слышал, *что именно* она кричала. И, несмотря на её слова про зелье джиннов, жалел, что море в Бухте забвения вернуло ей память. *Он* вернул. Сколько ещё ей так мучиться и просыпаться с криком от вечного кошмара? До самой смерти?

В голову то и дело закрадывалась мысль: а смог бы он выкручивать ей руки на допросах, окажись он по другую сторону купола? Смог бы спрашивать раз за разом о половых контактах с нелюдью? Какая-то дикая, странная и неправильная судьба скручивала их жизни в одну нить, вплетая в полотно Города. И до ужаса хотелось увидеть всю картину целиком, но она постоянно ускользала.

– Иди, твоя очередь, – Люба вышла замотанная в полотенце, с розовыми щеками и мокрыми волосами, с которых стекали капли. – Шас вода получше будет. Если долго не гонять, трубы забиваются. Шас норм.

Антон старался не пялиться на её ноги, открытые по самые бёдра. Сбросил футболку и джинсы, уже хотел стянуть трусы, как делал это не раз в куполе, когда шёл в душевую кабинку. Но остановился, зашёл в душ и доразделся внутри. Там, в лаборатории было всё равно в чём они: голые, в одежде. Там оба они не были мужчиной и женщиной. Не были даже людьми. А подопытными, приговорёнными на вечные пытки. Всё на виду, все раны, синяки, ожоги, вывихи, кошмары воспоминания – ничего личного. Потому что надо было выжить. Антон знал: специально ни он, ни она не посматривали: а смысл? Всё равно убьют. Здесь же, в Городе, всё наоборот. Здесь всегда всё живее. Ярче. Антон сейчас намного острее чувствовал себя мужчиной. Это мешало: отвык...

Когда он вышел из душа, Любы нигде видно не было: он наскоро оделся, обыскал углы и полки, заваленные старьём, и начал нервничать.

– Фёдор! – позвал он. – Где Люба?

И тут же получил кастрюлькой в ухо. Следующим летел половник, но Антон каким-то образом успел его перехватить и отправил обратно. Из угла послышалось злобное шипение: видимо, попал.

– Да вы что творите, поганцы! – потайная дверь на втором этаже открылась и оттуда показалась сердитая Люба, увешанная сумками. – На минуту отошла! Ладно, полковник, а ты, Фёдор! Взрослый домовой, стыдно должно быть!

Она спустилась и бросила сумки на пол. Поставила на пол жестяную чашку, плеснула туда молока из бутылки и достала маленький швейцарский нож. Полоснула по предплечью и кровь закапала в молоко.

– Ты чё это делаешь? – обеспокоенно спросил Антон, отобрав у неё нож. – С дубу рухнула?

– Продлеваю контракт с Фёдором, – Люба деловито достала из ящика стола лоскут ткани и намотала на руку. – Чтобы он знал, кого слушаться. И на *своих*не нападал.

Антон перехватил лоскут и крепко затянул порез.

– Ты где была?

– Еду добывала. Давно тут не была, забыла, что запасы кончились. А те, что остались – протухли. Накрывай на стол.

Антон выудил из сумок несколько консервных банок, горячий металлический судок, исходящий невероятным ароматом, и пару пыльных бутылок вина.

– Помощник дворецкого подворовывает, – объяснила Люба, откинувшись на спинку дивана, – складывает всё это добро этажом выше. Выносит по чуть-чуть, поэтому и не поймали ещё. А может, он в доле с кем-то из охраны. А я у него подворовываю. Помаленьку. Он там столько всего накопил, на две ядерных войны хватит. Вот и свежак притащила. Видимо, кто-то из богачей ужинать расхотел.

Антон поставил на стол судок, две кружки с отбитым краем и откупорил бутылку Любиным ножом: в нём даже штопор складной был. Люба сполоснула вилки и разложила по тарелкам толстые розовые спагетти:

– М-м... Клош-черви под белым соусом!

– Черви? – скривился Антон. – Серьёзно?

– Поп-обуй, – с набитым ртом посоветовала Люба и отпила из чашки. – За уши не оттащишь.

И Антон попробовал. Чёрт его знает, что это были за черви, но вкус они имели восхитительный. Нежное мясо таяло на языке, а все вкусовые рецепторы бились в экстазе.

– За свободу! – Люба подняла чашку и Антон «чокнулся» с ней.

Вино пилось легко, как сок, и впервые за последний месяц Антон почувствовал себя человеком, а не запытанным пленником.

Глава 4

Антон проснулся посреди ночи и не смог больше уснуть. После ужина его вырубил прямо в кресле и Люба постелила ему на полу: покрывало, подушку, одеяло, пахнущее корицей. Вино с незнакомым пряным вкусом подарило несколько сладостных часов забытья. Но теперь сон снова ушёл.

Антон сходил в туалет. Отхлебнул из бутылки. Лёг обратно, заложив руки за голову и слушая, как ворочается Фёдор в своей лежанке на втором этаже. Не спалось. Сквозь толстые стены с улицы не доносилось ни звука. Лишь где-то далеко гудел, как пароход, старый лифт. Жужжал вентилятор в стене. Помигивали в темноте голубые светильники. Не хватало тиканья часов на стене: дома они всегда тикали по ночам.

Антон лежал и слушал, как размеренно дышит Люба. Вдох-выдох. Едва слышно. Под куполом он тоже слушал её дыхание. Но там не хотелось лечь с ней рядом, стащить с неё футболку и... А здесь и сейчас в голове всё крутилась картинка, как капля воды стекает по её бедру, обёрнутому полотенцем. Как Люба облизывает губы, испачканные соусом... Внутри будто сидел зверь и царапал когтями нервы, жадно требуя себе её. Это он хотел порвать Берта на ленточки, когда тот предложить Любе расплатиться собой за ангельское зелье в пабе. А сейчас тоскливо выл, будто волк на луну.

Нет, с Любой так нельзя. Никак нельзя. После того, что натворил его дядя, она и в сторону-то его не посмотрит. Антон с тоской вспомнил, как она впала в ступор перед встречей с насильником. Как кричала во сне по ночам. Да она наверняка его самого до сих пор рядом с трудом терпит. Ждёт случая, чтоб избавиться раз и навсегда. Нет у него ни единого шанса.

Но ведь вытащила из плена. Не бросила.

Люба тихо застонала во сне. Антон приподнялся на локтях. Она металась по подушке и всхлипывала:

– Не надо... Не надо...

Он привычно сел рядом и стал гладить по голове:

– Всё хорошо. Он сдох, Люба. Навсегда. Его больше нет. Здесь с тобой я. Только я. Только я и ты.

Она медленно открыла глаза и с обречённым вздохом села. Потом вдруг порывисто обняла его, спрятав лицо на его груди. Хрипло сказала:

– Ты говорил, встреча с насильником помогает от ступора. А что помогает от кошмаров?

Тишина стала такой, что, казалось, можно резать её ножом. Антон прижал Любу к себе и крепко поцеловал. А она вдруг ответила, отчаянно и нежно. Он стащил с неё наконец футболку и уставился, разглядывая женщину в фантастическом голубоватом свете. Люба смущённо дёрнулась и стянула футболку с него. И тут где-то на втором этаже захихикал Фёдор, но она хладнокровно посоветовала ему:

– Заткнись. Прокляну.

Антон снова поцеловал её и уже не отпускал. Зверь в его душе торжествующе ревел, дурея от счастья. И Антон рычал, сжимая добычу в объятьях.

Люба таяла в его руках. Она была невинной Женечкой. Она была страстной Любовью. Трепетной и искренней. Охрипнув, звала его не «полковник», а «Антоша» и от этого совсем срывало крышу.

Люба проснулась от лёгкого стука. Она села на диване и тут же укуталась в одеяло. Вкусно пахло кофе, будто запах его был един во всех мирах. На столе дымились две чашки. Антон раскладывал по тарелкам бутерброды с мясом.

– Я тут завтрак для тебя сделал. Для нас... – он был лохматый, но счастливый.

Она улыбнулась смущённо и растерянно.

– Это... приятно. Мне никто никогда не готовил завтрак.

– Почему?

Люба закусил губу и взяла бутерброд.

– Я не подпускала. Никого. Боялась...

Повисла пауза, в которую опять полезли ненужные воспоминания и мысли с обеих сторон. Антон решительно сел рядом с Любой и снова поцеловал её.

– Ну как? Помогает?

Она захихикала:

– Когда ты целуешь, я вообще ни о чём думать не могу!

Он подвинул ей чашку с кофе:

– А ты мне лучше вот что скажи. Я понял, что не знаю, завтрак это или нет. Не знаю, утро ли сейчас. Или ночь?

– Точно. В Городе всегда ночь, – задумчиво сказала Люба, жуя бутерброд. И продекламировала тоном Трёхглавого: – Город – дом наш. Луна – солнце наше с начала и до конца времён.

– Ух ты, – Антон пригубил кофе и зажмурился от удовольствия. – Это поэзия какая-то местная?

– Даже не знаю. Это что-то вроде заклинания. Я помню, что это повторял Трёхглавый, когда накладывал мне печать на руку, – она со вздохом повертела предплечье, – а без Печати я теперь бесполезна. Ни телепортировать, ни пободаться с кем-нибудь. Думаешь, почему Берт себе такое позволил? Чует, что я без защиты, подонок.

– Ты очень даже полезна, – возразил Антон. – Ты знаешь этот Город и его обычаи. А в случае чего я защищу тебя.

Люба с беспокойством посмотрела на него:

– Когда ты встряхнул Берта в пабе, он испугался. А я, сколько здесь живу, ни разу не видела, чтобы столетний демон чего-то боялся. Хотела б я знать, что за жижу в тебя вливали там, в лаборатории.

– Поживём – увидим, – Антон пожал плечами. В глазах его мелькнула мрачная тень. – Они никогда ничего не говорили толком. Эксперимент номер тридцать пять... доза ноль восемь... анализы в норме... препарат стабилен.

– У меня есть знакомый вампир, – не очень уверенно сказала Люба. – Он в своей лавке определяет примеси в крови. Давай сходим к нему.

– Смотрю, ты не очень-то ему доверяешь, – хмыкнул Антон.

– Нам теперь везде опасно! Я пока защитными амулетами и заклинаниями не обвешаюсь, отсюда не выйду. Без Печати я – нелегал, а ты – тем более. Нас стража загребёт и не спросит, как звали...

– Погоди-ка, – Антон сощурился. – Стража, говоришь, загребёт? А как, по-твоему, кто нас сюда из-под купола закинул?

– Трёхглавый. Наверняка. Больше нет ни у кого таких сил. А Проводника мы бы увидели у портала, так что... Он это. Точно.

– Тогда нам надо попасть к нему. И я не вижу способа лучше, чем попасться страже. Они нас к нему и отведут.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.